веденное уже место с перечислением пунктов мнений оппонентов. А заканчивалась полемическая часть статьи следующим образом: «И уже паки, благосклонный читатель, обращаю мое слово, прося прощение, что несколько долее надлежащего употребил в мою пользу вашу терпеливность, защищая себя от несправедливых нареканий, надменных и самомнительных пристрастий или оные приводя в братолюбную должность».[10] Вопрос в том, кто был адресатом этой части статьи, близкой к открытому письму или защитительной речи.

Та часть статьи, в которой обсуждается достоинство хорея и ямба, очевидно направлена против Ломоносова. Приведенная в ней позиция противника полностью повторяет известную по давней статье Тредиаковского «Для известия» позицию одного из участников спора 1743 г. о семантике метра, а именно Ломоносова. На обращение к Ломоносову указывает и исключенный затем пассаж о его «отеческой горячести» в отношении ямба: «...я употребил тут хореический гексаметр, [по вашему, нежный и умильный и вам нелюбимый], при ямбическом, [который вы превозносите высоким и благородным и к нему отеческую имеете горячесть...]».[11] Здесь, как и в других местах при обсуждении значения хорея и ямба, за местоимением *вы* стоит, очевидно, один Ломоносов, ведь только он справедливо мог притязать на «отцовство» ямба. Сомнительно также, чтобы третий участник спора 1743 г., Сумароков, в 1752 г. разделял позицию Ломоносова в вопросе о значении метров: он уже в 1744 г. написал торжественную оду «На государя Петра Великого» хореем, продемонстрировав тем самым изменение своего прежнего взгляда на преимущество ямба. Можно было бы думать, что и во всех других местах полемической части статьи Тредиаковский обращается к Ломоносову, во всяком случае, логика речи статьи этому не препятствует. Тогда и первый пункт критики перевода Тредиаковского, с которого начинается полемическая часть статьи, принадлежит Ломоносову, и именно он сомневается, может ли «статься, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинные, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?». Такой взгляд на перевод со стороны Ломоносова, ученика Славяно-греко-латинской академии и последователя немецкого классицизма, кажется неожиданным. И в русской литературной традиции, и в немецкой стихотворному переводу уделялось большое внимание.[12] Ломоносов начал свой поэтический путь со стихотворных перево-

---

[10] Там же. Л. 15.

[11] Там же. Л. 12 об.

[12] Вопрос о зависимости взглядов Ломоносова на перевод от теории И. Хр. Готшеда был затронут Г. Грасгофом, см.: *Graßhoff H.* Lomonosov und Gottsched. Gottscheds «Ausfürliche Redekunst» und Lomonosov «Ritorika» // Zeitschrift für Slawistik. 1969. Bd. 6. H. 4. S. 503—505.